

На правах рукописи

Золотько Ольга Вячеславовна

Образ «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва, 2017

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Креницын Александр Борисович

Официальные оппоненты: **Степанян Карен Ашотович**
доктор филологических наук
ФГБУН «Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН» (ИМЛИ РАН)
Отдел теории литературы,
старший научный сотрудник
Тарасов Борис Николаевич
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Литературный институт
имени А.М. Горького»
заведующий кафедрой
зарубежной литературы

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»

Защита состоится «7» июня 2017 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.26 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
к.ф.н., доцент

А.Б. Креницын

Общая характеристика работы

В диссертации анализируется образ «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского, источники этого образа в мировой культуре, к которым обращался писатель, его развитие в художественных и публицистических произведениях Ф.М. Достоевского.

Воспоминание о «золотом веке» в прошлом человечества неизменно приводит к размышлению о причинах утраты этого райского состояния и питает надежду на возвращение благоденствия в будущем, поэтому при анализе образа «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского мы будем обращаться также к его рассуждениям о настоящем и будущем человечества, когда они художественно или логически связаны с образом «золотого века».

Материалом исследования послужили романы и подготовительные материалы к романам Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (ПМ 1865), «Идиот» (ПМ 1868), «Бесы» (1871–1872; ПМ 1870–1872), «Подросток» (1875; ПМ 1874–1875), «Братья Карамазовы» (1879–1880), рассказ «Сон смешного человека» (1877), статьи «Золотой век в кармане» (1876), «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» (1876), набросок незаконченной статьи «Социализм и христианство» (1864); Ветхий Завет; «Труды и дни» Гесиода, «Метаморфозы» Овидия; роман М. де Сервантеса «Дон Кихот» (1605); картина К. Лоррена «Асис и Галатея» (1657); поэзия и трактаты Ф. Шиллера («Боги Греции» (1786), «Письма о наивной и сентиментальной поэзии» (1795), «Письма об эстетическом воспитании человечества» (1793–1794); произведения Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Э. Кабе, Н. Берви-Флеровского.

Предметом исследования является образ «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского, **целью** – показать его формирование, эволюцию, специфику и функционирование в произведениях писателя.

В соответствии с намеченной целью поставлены следующие **задачи**:

– исследовать рецепцию Достоевским различных идей из литературного и философского контекста XVII–XIX вв., под воздействием

которых сформировалась мотивная структура образа «золотого века» в его творчестве;

– показать функцию образа «золотого века» в идейной системе произведений Достоевского;

– проследить воздействие идеи «золотого века» на характеры героев Достоевского и на психологизм писателя в целом, прокомментировать психологические и сюжетные условия возникновения данной идеи у персонажей;

– рассмотреть поэтико-художественные особенности сновидения о «золотом веке».

Актуальность работы обоснована отсутствием целостного исследования образа «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского.

В диссертации использованы культурно-исторический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, психоаналитический **методы**.

Методологической основой работы послужило традиционное в литературоведении учение об образе как всеобщей категории художественного творчества, форме освоения действительности (в широком смысле) и (в узком смысле) как элементе художественного произведения в работах В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, И.Б. Роднянской, М.Н. Эпштейна¹. Образ «золотого века» в творчестве Достоевского имеет черты как описательного, так и фабульного образа, связан с идейной структурой произведения; может быть определен как архетипический, так как обладает долгой историей бытования в литературе. Происхождение образа «золотого века» из мифа обуславливает обращение к работам об особенностях мифологического образа (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский²), о его функционировании в художественных текстах Ф.М. Достоевского (Вяч.

¹ Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб., 1996. С. 183–201; Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике //Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 59–65.

² Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 2-е изд, репринт. М.: Изд. фирм. «Вост. Лит.», 1995.

Иванов, Е.М. Мелетинский, Р.Г. Назиров³); привлечение работ К.Г. Юнга⁴ позволяет раскрыть особенности сновидения о «золотом веке» как психологического феномена.

Степень изученности проблемы.

Первым затронул тему «земного рая» в творчестве писателя К.Н. Леонтьев в своем полемическом отзыве на Пушкинскую речь Достоевского⁵. Хотя Леонтьев сосредотачивает внимание на образе будущей гармонии человечества (а не прошлой), в его статье впервые затрагивается проблема совмещения христианства писателя с его идеей «земного рая». Леонтьев предполагает истоки «розового христианства» Достоевского в социализме 40-х гг.⁶.

Если К.Н. Леонтьев в своей статье с позиции Евангелия и православия осуждает мечту Достоевского о «земном рае», то В.С. Соловьев, напротив, утверждает чистое следование Достоевским слову Евангелия⁷. Идеал всеобщей гармонии Достоевского, по мнению В.С. Соловьева, не социального порядка, но соотносится с Откровением Иоанна⁸.

Полемика К.Н. Леонтьева и В.С. Соловьева обозначила две позиции в отношении Ф.М. Достоевского и образа «земного рая» в его творчестве: признание за ним идеи устройства социальной гармонии на земле и отрицание этого. В советском литературоведении преобладала первая точка зрения.

В.Л. Комарович, вслед за К.Н. Леонтьевым, находит приметы идейного

³ Иванов В.И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282–311; Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. С. 93–128; Назиров Р. Г. Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 189–198

⁴ Юнг К.Г. Общая точка зрения на психологию сновидений // Структура психики и процесс индивидуации. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

⁵ К.Н. Леонтьев. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 312–329. (Впервые опубликовано: Варшавский дневник. 1880. № 162, 169, 173.) Далее в цитатах курсив К.Н. Леонтьева.

⁶ Там же. С. 312.

⁷ Соловьев В.С. Заметки в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 260–265.

⁸ Более подробно о хилизме Достоевского и Соловьева см. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 15–36; о полемике Соловьева и Леонтьева по поводу взглядов Достоевского см. там же с.180–192.

и жанрового влияния социализма в публицистике и художественных произведениях писателя на протяжении всей его творческой жизни⁹. В ряд идей, имеющих социалистические корни, Комарович помещает и концепт «золотого века», как он представлен в «Дневнике писателя» в заметках «Золотой век в кармане», «Что на водах помогает: воды или хороший тон?». В рассказе «Сон смешного человека», по мнению Комаровича, «счастливое человечество» изображено так, «как изображалось когда-то во французских социальных утопиях»¹⁰.

Статья Комаровича предопределила направление дальнейших исследований: образ «золотого века» долгое время рассматривался в связи с социальными утопиями и как выражение чаяний самого писателя (Н.А. Хмелевская, А.С. Долинин, Г.М. Фридлиндер, Р.Г. Назиров, Н.Ф. Бельчиков, Н.И. Пруцков¹¹). Постепенно в статьях советских исследователей стала разрабатываться проблема соотношения «социализма» писателя с его христианством, намеченная еще К.Н. Леонтьевым (Н.И. Пруцков¹², Г.К. Щенников¹³).

С другой стороны, Н.А. Бердяевым в книге «Миросозерцание Достоевского» был намечен противоположный подход к образу «земного рая», так как, по мнению мыслителя, это мечта не самого писателя и он не считал ее достижимой на земле¹⁴. На вопрос об отношении Достоевского к мечте своих героев С.Л. Франк¹⁵ отвечает категорично: саму идею

⁹ Комарович В.Л. «Мировая гармония» Достоевского // Атеней. Историко-литературный временник, № 1–2, 1924. С. 112–142.

¹⁰ Там же. С. 139.

¹¹ Хмелевская Н. А. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленингр. ун-та. 1963. Вып. 2. Сер. литературы, истории, языка. № 8. С. 137–140; Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. М.–Л.: Наука, 1964. С. 34–43; Назиров Р.Г. О противоречиях в отношении Ф. М. Достоевского к социализму // Народ и революция в литературе и устном творчестве. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1967. С. 136–149; Долинин А.С. Золотой век // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л.: Худлит, 1989. С. 270–288 (впервые опубликована – Долинин А. С. Золотой век // Нева. 1971. № 11. С. 179–186); Бельчиков Н.Ф. «Золотой век» в представлении Ф. М. Достоевского // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 357–367; Пруцков Н.И. Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 80–108; Пруцков Н.И. Христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. М., 1974. С. 58–82.

¹² Пруцков Н.И. Христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. М., 1974. С. 58–82.

¹³ Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Свердловск, 1987. С. 134–135.

¹⁴ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-PRESS, 1923. С. 156.

¹⁵ Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.:

возможности «золотого века» мыслитель трактует как опасный соблазн возвращения в «бездумное блаженство простодушия», и этот соблазн Достоевский смог в себе преодолеть. Мечта о «золотом веке» героев Достоевского порочна, так как она есть порождение греховной природы человека – к такому выводу приходит и С.Г. Семенова¹⁶, призывая читателя обратить внимание на образы самих героев-сновидцев¹⁷. Однако, с точки зрения С.Г. Семеновой, мечта о «земном рае» все же не была отвергнута Достоевским – и ее питал другой источник, учение Н.Ф. Федорова¹⁸.

Изображая «золотой век» в прошлом человечества, имел ли Достоевский намерение убедить читателя в его достижимости в будущем? Каким образом это возможно и как мысль о новом «золотом веке» на земле соотносится с идеей христианского рая? Эти вопросы остаются в работах и других современных исследователей.

С точки зрения Т.А. Касаткиной¹⁹, «Сон смешного человека» есть рассказ «не о справедливом социальном устройстве, а о гармонии универсума»²⁰. Достоевский делает попытку «увидеть и осмыслить рай (а также те причины, которые заставили людей «покинуть рай») глазами именно современного рефлектирующего человека»²¹.

А.Б. Криницын²² рассматривает сон о «золотом веке» как разновидность переживания «райской гармонии» – это переживание действительного, некогда бывшего на земле, состояния «легло в основу

Молодая гвардия, 1991. С. 244–250.

¹⁶ Семенова С.Г. «Высшая идея существования» у Достоевского // Вопросы литературы. 1988. №8. С. 168–195.

¹⁷ Там же. С. 179.

¹⁸ Там же. С. 185–195. См. также о влиянии идей Федорова на образ будущего «земного рая» у Достоевского: Горностаев (Горский А.К.). Рай на земле. К идеологии творчества Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Харбин, 1929. 87 с.; Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров. Духовно-творческий диалог. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 450 с.; Гачева А.Г. Царствие Божие на земле в понимании Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Петрозаводск, 2005. С. 312–323.

¹⁹ Касаткина Т.А. Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. № 1. СПб., 1993. С. 48–68.

²⁰ Там же. С. 61.

²¹ Там же. С. 48.

²² Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001.

формировавшейся тогда структуры человеческой души»²³. Отмечая отсутствие упоминаний Бога и Христа в мире «детей солнца» во «Сне смешного человека», исследователь приходит к выводу: «религиозное переживание гармонии для Достоевского было первичней, чем возникшие на его основе религии»²⁴.

В.Н. Катасонов²⁵, обращая внимание на то, что в рассказе Достоевского одновременно утверждается идеал «золотого века» и его недостижимость, видит в этом противоречии отражение неизбежной социально-психологической антиномии.

К.А. Степанян показывает сложность интерпретации увиденного Смешным человеком во сне, задается вопросом, идет ли в рассказе Достоевского речь о «земном рае» вообще и в каком смысле. Сновидение героя может быть истолковано в трех планах: «сон как откровение для героя и для читателя, сон как обнаружение внутреннего мира „смешного“ и сон как проявление затаенной мечты самого автор»²⁶.

Анализируя образ блаженного существования человечества, «золотого века», К.А. Степанян подчеркивает, что таким он видится именно главному герою, следовательно, необходимо учитывать личность сновидца. В современных работах при положительной оценке героя-сновидца исследователи приближаются к отождествлению мечты героя и автора (Р.Л. Джексон²⁷, Р. Ф. Миллер²⁸ и др.); в противоположном случае выражается недоверие к «истине», увиденной героем (С.Г. Семенова, К.А. Степанян, Э. Васиолек²⁹). Сновидение героя может рассматриваться как порождение его внутреннего мира, оно связано с событиями его жизни, его идеями. Этот

²³ Там же. С. 62.

²⁴ Там же. С. 86.

²⁵ Катасонов В.Н. Философия и религия в «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевского // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сб. ст. М., 2013. С. 252–272.

²⁶ Степанян К.А. Загадки «Сна смешного человека» // Достоевский и мировая культура. Альм. № 32. Спб.: Серебряный век, 2014. С. 69.

²⁷ Джексон Р.Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М.: Радикс, 1998. С. 208.

²⁸ Миллер Р. Ф. «Сон смешного человека» Достоевского: Попытка определения жанра // Достоевский и мировая культура. № 20. Спб. М., 2004. С. 148–169.

²⁹ Wasiolek, Edward. Dostoevsky: The Major Fiction. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1964. P. 145.

подход развивает В.Л. Комарович в статье «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство»³⁰.

В литературе о Достоевском указаны различные источники образа «золотого века» в творчестве Достоевского, наибольшее внимание было уделено рассказу «Сон смешного человека», были отмечены влияние античной легенды (М.М. Бахтин)³¹, параллели с романом Э. Кабэ «Путешествие в Икарию» и книгой Т. Кампанеллы «Город Солнца» (Н.А. Хмелевская)³², влияние древнерусских апокрифов (Т.Б. Лебедева)³³, совмещение черт античного мифа, Эдема, влияние Фурье, Ф. Шиллера (А.Б. Криницын)³⁴, влияние Сервантеса (К.А. Степанян)³⁵.

Отдельную область исследований составляют работы о явлениях психики как источниках образа «золотого века» в рассказе «Сон смешного человека»: И.Р. Ахундова предполагает, что Достоевский сам пережил сон о смерти³⁶; Накамура К.³⁷ связывает этот опыт также с эпилептическим припадком, переживанием гармонии в состоянии «ауры»; В.Н. Катасонов указывает на связь сновидения с православными представлениями о посмертной судьбе человека³⁸; методы психоанализа З. Фрейда применяет к рассказу Достоевского Дж. М. Холквист³⁹; к учению К. Юнга обращается К.А. Степанян в толковании сновидения Смешного человека⁴⁰.

³⁰ Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.-М.: Мысль, 1924. С. 33–34.

³¹ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 6. М.: Русские словари; ЯСК, 2002. С. 172

³² Хмелевская Н.А. Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленинградского университета. 1963, вып. 2. Серия литературы, истории, языка. № 8. С. 137–140.

³³ Лебедева Т.Б. Социальная утопия Достоевского и «земной рай» древнерусской литературы // Пути русской прозы XIX века. Л.: ГПИ им. А.И. Герцена, 1976. С. 75–85.

³⁴ Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 66.

³⁵ Степанян К.А. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 58–60, 288.

³⁶ Ахундова И.Р. «...Все это, быть может, было вовсе не сон!» («смерть» смешного человека) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 9. М., 1997. С. 186–205.

³⁷ Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. Спб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 87.

³⁸ Катасонов В.Н. Загадки «Сна смешного человека» Ф.М. Достоевского // Достоевский – писатель, мыслитель, провидец. М., 2012. С. 272.

³⁹ Holquist, James Michael. Dostoevsky and the Novel. Princeton. N.J.: Princeton University Press, 1977. P. 162.

⁴⁰ Степанян К.А. Загадки «Сна смешного человека» // Достоевский и мировая культура. Альм. № 32. Спб.: Серебряный век, 2014. С. 69.

Научная новизна работы заключается в комплексном и целостном исследовании образа «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского, в результате которого выявлен сложный синтез различных источников образа «золотого века», обнаруживается его связь с типологией характеров Достоевского, разграничиваются понятия «золотой век» и «земной рай», исследуются особенности контекстуального словоупотребления, уточняется представление о сновидении о «золотом веке» как об архетипическом.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней показаны результаты многостороннего изучения образа в художественных и публицистических текстах: с помощью сравнительно-исторического метода представлен синтез влияний различных источников, показана эволюция образа в творчестве Достоевского в соотношении с другими мотивами и образами, намечена связь образа с типологией характеров, с жанровыми особенностями произведений.

Практическое значение исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества Ф.М. Достоевского, при составлении учебных пособий средней и высшей школы, в преподавании истории русской литературы в школе и в вузах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ «золотого века» представляет собой сложный комплекс идей и художественных мотивов. Он отражает не только идеи, но и переживания, является «идеей-чувством» (в терминологии писателя), которую герои открывают в себе.
2. В творчестве Достоевского образ «золотого века» сформировался как результат синтеза различных источников, в их числе античная легенда, образ Эдема в Ветхом Завете, картина «Асис и Галатя» Клода Лоррена, творчество Сервантеса, Шиллера, произведения социалистов-утопистов. В мифотворческом сознании писателя происходит их контаминация.
3. Образ является герою в сновидении, психологически мотивирован,

связан с идеями героя, его внутренним миром, является в момент душевного кризиса, выводит героя к новому этапу самоосознания, восстанавливает целостность его душевной жизни, часто имея свою противоположность в самом тягостном для героя впечатлении.

4. Сон о «золотом веке» проявляет желание персонажа восстановить диалог с миром и с другим конкретным героем, с которым связано его отношение к миру в данный момент. Сновидение становится импульсом к совершению активного действия по отношению к этому конкретному герою.
5. Достоевский неоднократно обращается к этому образу в своем творчестве. Образ «золотого века» можно охарактеризовать как устойчивую, но не застывшую идейно-мотивную структуру, которую писатель органично встраивает в художественный мир разных произведений. Образ несет в себе универсальное, архетипическое содержание и в то же время вбирает в себя идеи и переживания каждого героя.
6. Образ «золотого века» отражает представление об идеальном, но утраченном уже состоянии мира и людей. Он заключает в себе идеи всечеловеческой любви, бессмертия, присутствия Бога, невыделенности личного сознания из коллективного сознания, незнания самости. Для каждого героя можно отметить, какие идеи выходят на первый план.
7. Образ «золотого века» носит отпечаток личности персонажа. В публицистике о «золотом веке» писатель говорит под маской вымышленного лица, мечтателя, Парадоксалиста. Возможно, так Достоевский высказывает заветные убеждения, от которых он в определенной степени дистанцировался, намеренно дискредитируя их сомнительной репутацией героя, чтобы обратить читателя к самостоятельному осмыслению образа, лишить его направляющей стратегии толкования, зависящей от образа героя, жанра.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов, прочитанных на международных конференциях, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского: Международные чтения «Достоевский и мировая культура» в Санкт-Петербурге (2014, 2016), Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность» (2014, 2015, 2016). Основные результаты исследования отражены в 5 статьях, 3 из которых изданы в сборниках, включенных в Перечень научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, характеризуется степень разработанности вопроса, определяется актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются цель и задачи работы, характеризуется методологическая база, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава работы («1. Источники образа „золотого века“ в творчестве Ф.М. Достоевского») посвящена анализу произведений мировой культуры, которые послужили источником изображения «золотого века» в произведениях писателя. Глава состоит из шести разделов.

В первом разделе (**«1.1. „Золотой век“ в античности»**) рассматривается античный миф о «золотом веке» и о последующем упадке человечества после грехопадения. Материалом для анализа античного мифа служат произведения Гесиода («Труды и дни»), Овидия («Метаморфозы»). Отмечается появление утопических мотивов (отнесенность идеала «золотого века» в будущее) в римской литературе. Прослеживается влияние античной традиции на изображение «золотого века» Ф.М. Достоевским (в романах «Бесы», «Подросток», в рассказе «Сон смешного человека») в следующих деталях: в «золотом веке» климат благоприятен, природа дружелюбна к

человеку; люди не знают труда ради пропитания; царит атмосфера всеобщей любви и радости; люди мудры непосредственным знанием жизни; нет болезней, смерть не означает конец существования, так как не прекращается связь с умершими; после грехопадения царят раздоры, наступают войны, появляются законы и суды.

Во втором разделе (**«1.2. Образ „рая на земле“ в христианстве, его соотношение с образом „золотого века“ в творчестве Ф.М. Достоевского»**) анализируются черты Эдема в Ветхом Завете. В изображении «золотого века» Ф.М. Достоевским мы находим совмещение античного мифа и ветхозаветной истории о пребывании в райском саду, искушении, грехопадении и его последствиях. В сновидении Смешного человека о планете «детей солнца» можно найти приметы присутствия божественного начала, грехопадение наступает по вине искусителя (а не из-за постепенного упадка нравов вследствие недостатка ресурсов), с ним появляется стыд (в античном мифе он, наоборот, исчезал) – эти черты отсылают к Ветхому Завету. Слияние античного и библейского образов можно найти уже в апокрифах, которые, возможно, читал Достоевский; однако эта контаминация естественна и для мышления писателя, так как в разных мифологических представлениях он выделял черты, общие для «преданий всего человечества» (25; 112)⁴¹. Счастливое существование человечества в прошлом Достоевский в разных произведениях называет и «золотым веком» и «раем на земле», мы предприняли попытку исследовать различие и сходство этих словосочетаний, истолковать словоупотребление Ф.М. Достоевского. В ряде контекстов понятие «рай на земле» оказывается более широким, чем «золотой век», и относится к последнему как понятие родовое к видовому, так как «золотой век» есть блаженное время в прошлом человечества согласно античному мифу, а «рай на земле» – то же состояние, но согласно «преданиям всего человечества», в том числе согласно античной

⁴¹ Цитаты из произведений Ф.М. Достоевского приводятся по Полному собранию сочинений в 30-ти тт. Л., 1972–1989. В скобках указываются арабскими цифрами номер тома, после точки с запятой – страницы.

легенде и Ветхому Завету. В этом значении понятия синонимичны. Поэтому мы считаем обоснованным анализировать образ «золотого века» в рассказе «Сон смешного человека», хотя в самом рассказе это словосочетание не встречается, речь идет о «рае на земле». Иначе выстраивается связь двух этих образов, когда Достоевский их использует в отношении к человечеству в настоящем. Писатель для того и другого образа заимствует значение из литературы социалистов, а именно «экономически благополучное и нравственно благоустроенное общество» (в ПМ к романам «Преступление и наказание», «Бесы», в заметке «Что на водах помогает: воды или хороший тон?»), в данном случае словосочетания выступают как синонимичные; однако в ряде контекстов, говоря о «рае на земле» в настоящем, писатель делает акцент на «психологическом перевороте», который должен пережить каждый человек, осознав, что «всякий за всех виноват», этот психологический переворот есть предвестие прихода Христа и наступления Царства Христова, и в этом значении для Достоевского невозможно употребление словосочетания «золотой век», так как в «золотом веке» не было Христа. На это разграничение мы опираемся в отборе контекстов для анализа образа «золотого века».

В третьем разделе («1.3. Роман М. де Сервантеса „Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский“ (1605)») анализируются реминисценции из романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» в черновом варианте и окончательном тексте романа «Идиот», в рассказе «Сон смешного человека». В романе испанского писателя герой, держа в руке пригоршню желудей, произносит монолог о «золотом веке», воспроизводя традиционные для античного мифа черты, ставя некоторые акценты: отсутствие в «золотом веке» частной собственности, незнание сладострастия. Отсылка к монологу Дон Кихота содержалась в авторской ремарке в ПМ к роману «Идиот»: «Вдохновенная речь Князя (Дон-Кихот и желудь)» (9; 277). В окончательном тексте этой отсылки нет, но сохраняется связь героев, как имеющих мысль «поучать» (8; 51) и терпящих крах в своих начинаниях. Сервантесовские

мотивы появляются также в рассказе «Сон смешного человека» в описании грехопадения: раздоры происходят из-за появления частной собственности, идет борьба «за мое и твое» (25; 116); возникают суды и законы; появляется сладострастие.

В четвертом разделе («1.4. **Пейзаж Клода Лоррена „Асис и Галатей“ (1657)**») анализируется картина Клода Лоррена «Асис и Галатей» как живописный источник изображения «золотого века» Ф.М. Достоевским. Ставрогин и Версиков представляют во сне «золотой век» таким, каким он был изображен французским живописцем; при этом картина написана на другой мифологический сюжет, но герои называют полотно «Золотым веком» (как называл его, по свидетельству А.Г. Достоевской, сам писатель). Выбор картины любопытен, так как сюжет об Асисе и Галатее (вообще сюжет о любви) не раскрыт в сновидениях о «золотом веке» Ставрогина и Версикова. Однако читатель Достоевского мог вспомнить общее настроение картины – хрупкость быстротечного земного счастья, которую показал художник, изобразив краткое свидание возлюбленных и подстерегающего их Циклопа.

В пятом разделе («1.5. **Ф. Шиллер: „Письма о наивной и сентиментальной поэзии“ (1795), „Письма об эстетическом воспитании человечества“ (1793–1794), „Боги Греции“ (1786)**») рассматривается комплекс идей и художественных мотивов, связанных с образом «золотого века», в трактатах и поэзии Ф. Шиллера и их отражение в творчестве Ф.М. Достоевского: изображение античности как времени непосредственного и целостного восприятия мира человеком, гармоничного существования; определение «золотого века» как исторической эпохи и, в то же время, состояния, которое переживает каждый человек в младенчестве, отсюда особое внимание к «детскому» мировоззрению; концепция о трех фазах в развитии человечества (1) не выделенное из природы существование; 2) нынешнее состояние всеобщего разобщения; 3) достижение духовного совершенства в будущем); представление о «золотом веке» как состоянии

человечества в прошлом и как прообразе будущей гармонии; особое внимание к роли эстетического в преодолении современного разобщения, в восстановлении цельности личности.

В шестом разделе («1.6. Образ „золотого века“ в утопическом социализме») анализируется образ «золотого века» как идеала социального устройства в утопических произведениях современных Достоевскому авторов-социалистов (Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Э. Кабе, Н. Берви-Флеровский). Начиная с работы В.Л. Комаровича⁴², в советском литературоведении образ «золотого века» у Достоевского рассматривался преимущественно в русле социал-утопической мысли, свидетельствовал о скрытой симпатии писателя к идеалам социализма. Доказательством этому служат: участие писателя в кружке Петрашевского, юношеское увлечение учением Фурье, некоторые схождения с социалистами во взглядах насчет частной собственности, внимание к земельному вопросу и т.д. Тем не менее, Достоевский не считал, что решение экономических вопросов приведет к нравственному оздоровлению общества, по мнению писателя, к моральному совершенствованию может вести только идеал Христа. Сложное восприятие Достоевским социализма отражается и на образе «золотого века». С одной стороны, писатель не принимает насильственного устройства всеобщего счастья (реплика Раскольникова в ПМ к «Преступлению и наказанию»: «№3. „О, зачем не все в счастье?“ Картина золотого века» (7; 91); проект «земного рая» Шигалева в романе «Бесы», в котором возврат к первобытной невинности достигается за счет отказа от свободы большинства людей, но при этом, как замечает один герой, Шигалев может быть назван даже «фанатиком человеколюбия» по сравнению с Фурье и Кабе (10; 313)). С другой стороны, Достоевский проявляет интерес к «поэтам» из социалистов (в ПМ к «Бесам» отсылка к книге Н. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса»: «Флёрровский, Золотой век, „Заря“, январь» (11; 106)),

⁴² Комарович В.Л. «Мировая гармония» Достоевского // Атеней. Историко-литературный временник. № 1–2. 1924. С. 112–142.

признает, что в основе социалистических теорий могут лежать глубокие нравственные убеждения (в рукописи романа «Бесы» идеал «золотого века» воодушевлял и Петра Верховенского: «А у тех, главное, вера в Золотой век. Нужна непреложная вера, чтобы решиться все истреблять» (11; 128)). В публицистике Достоевский откликается на использование социалистами образа «золотого века», вводя цитаты из их произведений, противопоставляя им свое понимание идеального общества («Золотой век в кармане», «Что на водах помогает: воды или хороший тон?»).

Во второй главе диссертации, «**2. Анализ образа „золотого века“ в творчестве Ф.М. Достоевского**», рассматривается функционирование образа «золотого века» в художественных и публицистических произведениях Ф.М. Достоевского, прослеживается развитие этого образа на протяжении всего творчества писателя. Образ «золотого века» рассматривается в многообразных связях с элементами художественного мира Ф.М. Достоевского: анализируется связь образа «золотого века» с другими образами, мотивами в структуре произведений, затрагиваются необходимые для многостороннего анализа образа «золотого века» жанровые особенности, вопросы поэтики, стилистики в произведениях писателя; делаются наблюдения над характерологией автора; применяется психоаналитический подход при анализе сновидений о «золотом веке». В главе анализируются в хронологическом порядке сначала художественные произведения, затем публицистика. Глава состоит из шести разделов.

Первый раздел («**2.1. „Преступление и наказание“ (ПМ 1865)**») посвящен роману «Преступление и наказание». Образ «золотого века» возникает в рукописи к роману «N3. „О, зачем не все в счастье?“ Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать — и проч. N3. „Но какое право имею я, подлый убийца, желать счастья людям и мечтать о золотом веке! Я хочу иметь это право“» (7; 91). В восклицании Раскольникова усматривается тот же поворот мысли, что и в оправдании убийства: от желания добра окружающим к отрицанию требований морали,

так как воля и власть выше нравственности. Мы предполагаем, что «всеобщее счастье» Раскольников толкует в духе социализма как социальное благополучие, в окончательном тексте романа с социализмом, возможно, связана вера Раскольникова в «Новый Иерусалим», так как в учении Сен-Симона этот образ христианского рая был переосмыслен и означал будущее благоденствие человечества на земле, «золотой век». К образам, близким «золотому веку», примыкает и картина в эпилоге романа, степной пейзаж, который открывается перед героем на берегу Иртыша, где «как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» (6; 421).

Во втором разделе («2.2. „Идиот“ (ПМ 1868)») анализируется монолог князя Мышкина в ПМ к роману, в котором герой ссылается на речь Дон Кихота в романе Сервантеса: «Всякая травка, всякий шаг, Христос. Вдохновенная речь Князя (Дон-Кихот и желудь). “За здоровье солнца”» (9; 277). В этой записи автор обозначил ситуацию неуместного монолога Мышкина, указал на связь некоторых мотивов в романе «Идиот» с сервантесовскими: мечта об идиллическом «растворении» в природе, сходство главных героев в их позиции по отношению к миру и окружающим, черты утопического сознания у обоих.

Третий раздел («2.3. „Бесы“ (1870–1872)»), посвященный образу «золотого века» в романе «Бесы», делится на два подраздела.

Первый подраздел («2.3.1. Ставрогин») посвящен сновидению Ставрогина о «золотом веке» в главе «У Тихона», не вошедшей в окончательный текст романа. Рассказ о своем сне Ставрогин помещает в исповеди как часть истории с Матрешей, поэтому мы акцентируем внимание на мотивах, актуализируемых этой связью: невинность людей «золотого века», их «великий избыток непочатых сил», который «уходил в любовь и простодушную радость» (11; 21), символически соотносится с образом Матрешы, она предстает в этом смысле как человек «золотого века», соответственно, преступление, совершенное Ставрогиным, может быть интерпретировано как преступление перед всем человечеством, он виновник

грехопадения (в этом наблюдается ретроспективная связь с сюжетом позднего рассказа «Сон смешного человека»). Сновидение помогает Ставрогину осознать, что самоубийство Матрешы было вызвано ужасом отречения от «живой жизни», страхом утраты связи с людьми и Богом, – тем, что сам он не испытывал; после сна он вызывает в памяти ее образ, потому что ему необходима ее точка зрения, через нее он ищет обретения потерянной связи с миром. В рассказе о сновидении Ставрогин перестает говорить «с оглядкой», в счастье, которое он испытал, он находит совпадение с общечеловеческой позицией и фиксирует это грамматически, так как единственный раз в его исповеди появляется обобщенно-личное предложение: «словами не передашь» (11; 21). Анализируется и образная составляющая сна – картина «золотого века» дана как вечерний пейзаж в «косых лучах заходящего солнца», этот образ неоднократно появляется в произведениях Достоевского и отмечает поворотные моменты в биографиях героев. Рассматриваются также черты личности Ставрогина, которые обуславливают выбор именно античного образа «золотого века» как представления о гармонии: «оторванность от почвы», космополитизм, близость к «подпольному типу», мечтательность; отмечается закономерность – эти черты объединяют Ставрогина с другими сновидцами, Версиловым и Смешным человеком.

Во втором подразделе («**2.3.2. Другие упоминания образа „золотого века“ в романе „Бесы“**») анализируются упоминания образа «золотого века» в связи с другими героями романа: проект «земного рая» Шигалева; отсылка в рукописи к книге Н. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» в программе Успенского: «Флёровский, Золотой век, „Заря“, январь» (11; 106), – кратко обозначенная по названию рецензии Д. Анфювского «Скорое наступление золотого века»; определение «золотого века» в ПМ к роману как идеала, вдохновляющего П.С. Верховенского («А у тех, главное, вера в Золотой век» (11; 128)) и С.Т. Верховенского («Действительно поэт. Dies irae, Золотой век, греческие боги» (11; 66)).

Четвертый раздел («2.4. „Подросток“ (1875; ПМ 1874–1875)») посвящен сновидению Версилова о «золотом веке». Почти дословно этому герою было передано сновидение Ставрогина, так как глава «У Тихона» осталась неопубликованной. В данном разделе мы прослеживаем по подготовительным материалам романа, как трансформировался образ «золотого века»: первоначально герою был передан ставрогинский комплекс мотивов, сновидение о «золотом веке» тоже вызывало мучительные воспоминания о совершенном злодеянии; затем намечалась связь с образом жены Версилова, идеей «осчастливить непременно и чем-нибудь хоть одно существо в своей жизни» (13; 381), которая возникала после испытанной во сне «всечеловеческой любви». Сновидение отражает тоску Версилова по «живой жизни», желание обретения душевной гармонии, религиозной веры, «всеобщей любви» и бессмертия души. Кроме того, сон о «колыбели европейского человечества» (13; 375) включен в круг идей Версилова о духовной истории Европы, о даре «всемирного боления» русского человека. Анализируется образная составляющая сна: в данном произведении иначе, нежели в романе «Бесы», актуализирован образ солнца – как символ божественного присутствия, «тайны», «идеи бессмертия». В дополнение к сновидению о «золотом веке» Версилова рассказывает о своей фантазии о будущем человечества, она тоже дана как картина, соотносится с изображением «золотого века». Эта фантазия дает ответ и на образ «золотого века» в представлении Версилова, акцентирует тоску героя по всеобщей любви, которую он связывает с религиозной верой и идеей бессмертия.

Пятый раздел («2.5. „Сон смешного человека“ (1877)») посвящен сновидению о «золотом веке» героя рассказа «Сон смешного человека». В данном произведении образ «золотого века» дан писателем наиболее развернуто, поэтому больше всего привлекал внимание исследователей. Сложность интерпретации рассказа (следовательно, и образа «золотого века») побуждает нас включить в анализ наблюдения над поэтикой рассказа,

затронуть вопросы жанрового определения произведения, обратиться к приемам психоанализа, наметить психологический портрет героя.

В отличие от сновидений Ставрогина и Версилова, сон Смешного человека имеет сюжет, и сам герой является участником жизни в «золотом веке»; став виновником грехопадения, он осознает неотделимость своего существования от истории всего человечества, познает возможность искренней любви к ближнему на земле. Образ «золотого века» оказывается связан с такими важнейшими для писателя проблемами христианской этики, как существование Бога и бессмертие души. В анализе уделено внимание вопросу, насколько изображенное во сне соотносится с христианской концепцией истории человечества; грехопадение интерпретируется как момент обретения границ личности, появления самосознания.

В разделе обобщаются черты, сходные для всех трех героев-сновидцев, отмечается общность ситуаций: все герои ищут восстановления связей с миром и людьми; после сновидения они разыскивают (или вызывают в памяти образ) близкого им человека, с которым было связано появление сна о «золотом веке» (Матреша у Ставрогина; в рукописи Софья Андреевна у Версилова; девочка у Смешного человека); сон появляется в кризисный момент, выражает амбивалентность движений души, проявляет стремление к идеалу и осознание его недостижимости; в терминах психоанализа К. Юнга сон о «золотом веке» (особенно сон Смешного человека) может быть определен как архетипический.

Ставится вопрос, насколько образ «золотого века» в рассказе может быть интерпретирован как мечта самого Достоевского. Писатель намеренно отдает образ «золотого века» герою с сомнительной репутацией, чтобы оставить читателю свободу интерпретации.

В шестом разделе (**«2.6. „Братья Карамазовы» (1879–1880)») упоминается высказывание Ивана Карамазова об утрате рая по вине первых людей, которые «захотели свободы и похитили огонь с небеси» (14; 222). Хотя здесь нет речи о «золотом веке», мы замечаем соединение античного**

мифа и библейского сюжета об утраченном рае, которое характерно для мифотворческого мышления Ф.М. Достоевского.

В седьмом разделе (**«2.7. Упоминание „золотого века“ в публицистике Достоевского»**) образ «золотого века» рассматривается в публицистических произведениях Ф.М. Достоевского.

В первом подразделе (**«2.7.1. „Социализм и христианство“ (1864)»**) к анализу привлекается набросок неопубликованной статьи «Социализм и христианство»; хотя в ней нет упоминания «золотого века», ее сопоставление с рассказом «Сон смешного человека», показывает, что воплощенная в художественных образах рассказа история человечества соотносится с трехфазной концепцией истории самого писателя: 1) непосредственное, первобытное существование человека «в массе», когда не возникло еще самосознание личности и жива идея бога; 2) переходное цивилизационное время, когда происходит «развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных, законов масс). Человек как личность всегда в этом состоянии своего общегенетического роста становился во враждебное, отрицательное отношение к авторитетному закону масс и *всех*. Терял поэтому *всегда* веру и в бога» (20; 192); 3) достижение христианского идеала, «возвращение в непосредственность, в массу, но свободное» (20; 192).

Во втором подразделе (**«2.7.2. „Золотой век в кармане“ (1876)»**) анализу подвергается заметка в «Дневнике писателя» за январь 1876 г. Образ «золотого века» вынесен в ее название («Золотой век в кармане») и является ее художественным центром. Рассказчик призывает всех присутствующих на рождественском балу поверить в возможность достижения «золотого века» сейчас, в «этой душной зале» (22;12). В сознании Достоевского образ «золотого века» существовал не только как далекая мечта о всеобщем счастье (сновидения Ставрогина, Версилова), писатель представлял его въяве, в лицах людей, оказавшихся рядом с ним в праздничной толпе. В заметке автор не раскрывает, какие нравственные усилия должны быть

предприняты для достижения идеала, «золотой век» используется автором как привлекательная картинка счастливого сосуществования людей.

Третий подраздел («2.7.3. „Что на водах помогает: воды или хороший тон?“ (1876)») содержит анализ образа «золотого века» в июльской заметке из «Дневника писателя» за 1876 г. «Что на водах помогает: воды или хороший тон?». Рассказчиком в главке является вымышленное лицо, Парадоксалист, который иронизирует над «игрой в рай», «подобием золотого века», которое он видит в поведении высшего общества. Как и в январском тексте, рассказчик наблюдает праздничную толпу, размышляя о «хорошем тоне», этикете, костюме, о преобладании формы над содержанием; эта проблематика вновь связана с образом «золотого века». В тексте образ выступает как дополнительный к образу христианского рая, в монологе Парадоксалиста создается их контекстуальная связь через соединение различных цитат: из Нагорной проповеди Христа о Царстве Небесном, из эпитафии к сочинению Сен-Симона «Рассуждения литературные, философские и промышленные», из романа Э. Кабе «Путешествие в Икарию».

В **заключении** подводятся итоги и формулируются основные выводы диссертации.

Основные результаты исследования отражены в 5 статьях, 3 из которых входят в Перечень научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ:

в изданиях из Перечня ВАК:

1. Золотко О.В. Сон о золотом веке и идеи Версимова в романе «Подросток» Ф.М. Достоевского. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 75–77. (0,3 п.л.)

2. Золотко О.В. Образ «золотого века» в творчестве Достоевского и его источники в творчестве Шиллера, Гёльдерлина, Новалиса. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2016. – № 1. – С. 119–125. (0,3 п.л.)

3. Золотко О.В. «Страдания юного Вертера» Гете и «Сон смешного

человека» Достоевского. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2016. – №1. – 170–186. (0,8 п.л.)

В других изданиях:

4. Золотько О.В. Сон о золотом веке и образ Версилова в романе «Подросток» Ф.М. Достоевского. // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных старорусских чтений 2015 года. – Великий Новгород, 2016. – С. 202–212. (0,5 п.л.)

5. Золотько О.В. Сон о «золотом веке» героев Достоевского: связь с «другим». // Достоевский и современность. Материалы XXXI Международных старорусских чтений 2016 года. – Великий Новгород, 2017. (в печати) (0,4 п.л.)